

ВОЛКОВСКИЯ ТОРЖЕСТВА.

(От нашего специального корреспондента).

ЯРОСЛАВЛЬ, 12 мая.

IV.

Я телеграфировал вам, что раутъ у городского головы П. А. Вахрамьева надолго, если не навсегда, останется въ памяти людей, пережившихъ ярославскіе волковскіе дни: тутъ дружеское, товарищеское единеніе присутствующихъ сказалося съ особой силой, съ особой наглядностью и выразительностью.

У г. Вахрамьева прекрасный домъ, уютный, обширный, хорошо обставленный. Столы для ужина были въ большомъ желтомъ залѣ—гостинная и столовая были обращены въ закусоchnыя... Присутствовали начальникъ губернии съ супругой, князь С. М. Волконскій, В. А. Теляковскій, всѣ прибывшіе въ Ярославль артисты, представители печати, представители мѣстнаго общества — и всю эту массу людей къ концу ужина охватило необычайное, неподдающееся описанію оживленіе.

Я уже не говорю о тостахъ—ихъ было великое множество и при томъ самыхъ разнообразныхъ. Мнѣ пришлось бы повториться до безконечности, если бы я передавалъ вамъ содержаніе этихъ тостовъ: они вѣдь поневолѣ вращались постоянно вокругъ одного и того же центра.

Укажу лишь на тостъ, предложенный режиссеромъ Малаго театра С. А. Черневскимъ и вызвавшій единодушное «ура». Это былъ тостъ за артистовъ театра Французской комедіи въ Парижѣ, приславшихъ привѣтствіе устроителямъ «Волковскихъ торжествъ». Затѣмъ, какъ вы уже знаете, г. Вахрамьевъ предложилъ тостъ за представителей столичной печати, — большинство присутствовавшихъ поднялось съ мѣстъ и подходило съ бокалами къ тому столу, за которымъ пріютилась наша пишущая братія. О печати за подобными общественными обѣдами вспоминаютъ довольно рѣдко—и этотъ тостъ, встрѣченный очень сочувственно, произвелъ прекрасное впечатлѣніе. По общему нашему полномочію, на этотъ тостъ отвѣчалъ Ю. А. Веселовскій, поблагодарившій Б. В. Штюрмера и представителей города за любезный пріемъ и культурное вниманіе къ представителямъ печатнаго слова.

Всѣмъ затѣмъ — и это было совершенно неподготовлено — оркестръ заигралъ какое-то поурри изъ русскихъ пѣсенъ, начавъ ихъ съ мотива знаменитой пѣсни: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Залъ былъ уже въ значительной степени наэлектризованъ — и минутой спустя

всѣ присутствовавшіе пѣли уже сломаннымъ хоромъ, причемъ, по общему требованію, артисты нашего Большаго театра Собиновъ сталъ запѣвать, а г-жа Дейша-Сюницкая—его поддерживать... Импровизированный такимъ образомъ хоръ удался на славу, оживленіе съ каждой секундой все болѣе росло и крѣпло, со всѣхъ сторонъ послышалось требованіе повтореній и въ результатѣ все вниманіе сосредоточилось на г-жѣ Сюницкой и г. Собиновѣ. Они пѣли русскія пѣсни и дуэтомъ, и solo, потому кто-то называлъ ими артиста петербургскаго театра В. Н. Давыдова, и знаменитый комикъ, великолѣпно передающій народныя пѣсни, запѣлъ популярную: «Ничего мнѣ отъ жизни не надо»...

Мѣсто не позволяетъ долго останавливать ваше вниманіе на этомъ ужинѣ—отмѣчаю же я его, главнымъ образомъ, потому, что въ своеобразномъ оживленіи этой знаменательной ночи сказалося, и сказалося ярко, настроеніе участниковъ торжествъ. Тутъ оно развернулось во всю и вылилось наружу въ полной непосредственности. Давыдова затѣмъ заставляли пѣть цыганскія пѣсни, и онъ удивительно мастерски передавалъ въ подражаніи цыганамъ романсъ «Я обожаю». Раза два или три съѣлъ онъ затѣмъ какую-то комическую малороссійскую пѣсню, затѣмъ пѣлъ Собиновъ и вновь пѣла Дейша-Сюницкая, и только тогда, когда солнце уже смотрѣлось въ окна дома г. Вахрамьева, мы очнулись отъ охватившаго насъ веселья и поднимались съ своихъ мѣстъ.

— Гимнъ! — раздался чей-то голосъ.

Съ хоръ грянули торжественные звуки народнаго гимна, двѣсти человѣкъ подхватило эти звуки и трижды затѣмъ повторена была величественная народная молитва.

Былъ пятый часъ, когда я вернулся домой, а на слѣдующій день — на третій день торжествъ, въ двѣнадцатомъ часу дня предстояло уже собраться на площадкѣ передъ губернаторскимъ домомъ: цѣль сбора—общая прогулка на пароходахъ по Волгѣ. Только вечеромъ наканунѣ былъ выбранъ пунктъ для прогулки — это Норская мануфактура, гдѣ Р. Д. и Е. К. Востряковы любезно согласились приготовить для насъ завтракъ, — какимъ волшебствомъ они умудрились къ двумъ часамъ дня на великолѣпной, но необитаемой ими въ настоящее время дачѣ, въ 12 верстахъ отъ города, устроить роскошный и обильный завтракъ, съ феерическими кулебяками и водопадомъ шампанскаго — это ихъ дѣло. Мы лично съ этимъ не считались — проголодавшись во время прогулки, мы

напились на заманчиво сервированные столы и въ какой нибудь часъ толпа въ двѣсти человѣкъ уничтожила все приготовленное...

День выдался чудный, лѣтній, теплый. На небѣ ни единого облачка, Волга казалась залитой солнечнымъ свѣтомъ: вся она искрилась, отражая золотистые лучи солнечные... Противоположный берегъ теперь особенно широкой Волги казался въ этотъ свѣтлый знойный день точно подернутымъ голубоватой дымкой и манилъ заманчивой прелестью свѣжей, еле обнаруживавшейся зелени...

Не смотря на утомленіе предшествующаго дня, собрались мы на площадкѣ передъ губернаторскимъ домомъ довольно дружно: къ 12 часамъ она была уже полна. На лицѣ тутъ былъ весь цвѣтъ артистическаго міра Россіи: мудрено придумать комбинацію, при которой можетъ повториться зрѣлище, подобное этому, — Савина, Федотова, Ермолова, Никулина, Садовская, Ленскій, Южинъ, Рыбаковъ, Давыдовъ, Варламовъ, Стрѣльская—всѣхъ не перечтешь, — это была какая-то выставка сценическихъ дарованій, единственная въ своемъ родѣ, выставка безпримѣрная...

Внизу въ это время уже стояли подъ парами борть къ борту скрѣпленные канатами пароходы «Востокъ» и «Свѣта», расцвѣченные флагами, съ оркестрами военной музыки на палубѣ. Всѣ присутствовавшіе раздѣлились на этихъ двухъ пароходахъ, соединенныхъ трапомъ, и послѣ того, какъ фотографы сдѣлали нѣсколько снимковъ, пароходы, не раздѣляясь, все также борть къ борту пошли вверхъ по Волгѣ, къ Норской мануфактурѣ. Вдоль всей набережной Ярославля стояла масса зрителей, любовавшихся картиной этой увеселительной прогулки.

Едва пароходы отошли отъ пристани, какъ публика, и не думавшая, разумѣется, спускаться въ рубки и каюты, раздѣлилась на оживленные, весело бесѣдующія группы на верхнихъ палубахъ. Обиліе женщинъ въ нарядныхъ туалетахъ, исключительно бодро возбужденное расположеніе духа, великолѣпная погода, дивная панорама волжскихъ береговъ, звонкое веселье молодыхъ артистокъ обихъ сценъ, проявившихъ и здѣсь, на пароходныхъ палубахъ, не мало таланта, — все это, вмѣстѣ взятое, создавало такое трепетное, живое, радостное настроеніе, которому подчинились рѣшительно всѣ и подчинились безропотно.

Какъ сновидѣніе, прошла эта волшебная прогулка, среди остроумной бесѣды, среди смѣха, остротъ, шутокъ, возбужденнаго говора и

затуманенныхъ весельемъ взглядовъ. А между тѣмъ мы подошли къ «Норкамъ» только черезъ полтора. Тутъ насъ встрѣтили любезные хозяева, и всѣ мы гурьбой, все также весело настроенные, все также возбужденные, прошли на фабрику, гдѣ любовались недавно поставленной динамо-машинной колоссальныхъ размѣровъ, приводящей въ движеніе громадное количество веретенъ. Съ фабрики мы очень быстро перекочевали въ причудливую дачу, отъ террасы которой къ самому берегу Волги спускается садъ и открываются удивительные виды на Заволжье и на широко разметающуюся великую рѣку.

Во время прогулки мы успѣли, какъ и уже говорилъ, проголодаться, а завтракъ отличался необычайнымъ обиліемъ—сообразите это, и вы поймете то волшебное настроеніе, которое мы чувствовали на этой великолѣпной дачѣ, съ дивными видами на Волгу и съ дивными кулебяками на столѣ. Сколько было съѣдено разной свѣди, сколько было выпито шампанскаго и другихъ винъ — не знаю. Но часа полтора спустя, мы, еще болѣе довольные жизнью, вернулись на палубу пароходовъ и пошли назадъ, къ Ярославлю. Тамъ насъ поджидало новое развлеченіе — народныя гонимыя призы, но особенно долго любоваться ими мы не могли: предстояло хоть нѣсколько отдохнуть до начала спектакля.

Вы уже знаете, что въ этотъ третій день состоялся смѣшанный спектакль—онъ въ виду этого представлялъ особый интересъ. Интересъ этотъ удваивался еще отъ того, что въ театрѣ обѣщали пріѣхать А. В. Сухова-Кобылинъ, авторъ пьесы, значащейся на афишѣ—«Свадьба Кречинскаго». Комедія этой предшествовали три акта «Грозы» съ М. Н. Ермоловой въ роли Катерины и Н. А. Никулиной въ роли Варвары. Нужно ли прибавлять, что обѣ исполнительницы имѣли громадный успѣхъ, что имъ вручили колоссальные букеты цвѣтовъ, причемъ не обдѣлена была цвѣтами и г-жа Грибунина, исполнительница роли Кабанихи, — это понятно и само собой.

Въ комедіи г. Сухова-Кобылина, въ роли Атуевой, выступила престарѣлая артистка Малаго театра г-жа Рыкалова, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ оставившая сцену, но многіе годы подрядъ исполнявшая эту роль. Остальные роли поручены были артистамъ петербургскаго Александринскаго театра: Кречинскій — П. Д. Ленскій, Расплюевъ — В. Н. Давыдовъ, Нелькинъ — г. Аполлонскій, Лядочка — г-жа Стравинская. Появленіе всѣхъ артистовъ встрѣ-

чалось шумными аплодисментами, особенно громкими въ привѣтствіяхъ, обращенныхъ къ г-жѣ Рыкаловой. Послѣ окончанія перваго акта, престарѣлой артисткѣ подали два букета, на лентѣ одного изъ нихъ видѣлась надпись: «отъ автора». Среди шума аплодисментовъ прозвучала фамилія маститаго писателя — залъ дрогнулъ отъ рукоплесканій, и всѣ присутствовавшіе мгновенно поднялись съ своихъ мѣстъ, обращаясь къ крайней ложѣ Бенуара, въ которой сидѣлъ А. В. Сухова-Кобылинъ.

Я давно не видалъ ничего подобнаго этой оваціи! Растроганный, взволнованный маститый драматургъ всталъ сначала изъ ложи, затѣмъ перешелъ на сцену, и восторженный привѣтствія, вылившіяся съ необыкновенной искренностью, сильно затянувъ первый антрактъ, повторялись затѣмъ послѣ втораго акта и по окончаніи пьесы. И авторъ, и г-жа Рыкалова, и остальные исполнители выходили десятки разъ на сцену, а публика не уставала шумѣть и требовала ихъ все вновь и вновь, награждая кликами и рукоплесканіями.

Послѣ спектакля состоялся прощальный ужинъ у гофмейстера Б. В. Штюрмера, на который было приглашено не болѣе пятидесяти человѣкъ. Это былъ ужинъ нѣсколько интимнаго характера, лишь съ первыми персонажами обихъ труппъ и небольшимъ количествомъ приглашенныхъ: вице-губернаторъ, князь Волконскій, г. Теляковскій, режиссеры столичныхъ сценъ, представители мѣстной печати и два представителя печати столичной — г. Веселовскій и пишущій эти строки. Ужинъ прекрасно сервировалъ былъ въ большомъ залѣ губернаторскаго дома. Оживленной бесѣдой и предупредительною любезностью хозяевъ онъ опять-таки затянулся до четырехъ часовъ утра. Послѣ ужина устроилось нѣчто вродѣ импровизированнаго концерта, такъ что, когда мы разъѣзжались, прощаясь съ Б. В. Штюрмеромъ, инициатива и энергія котораго создали эти знаменательныя торжества, которыхъ должны войти въ одну изъ блестящихъ страницъ исторіи русскаго театра, бѣлый день уже стоялъ надъ Ярославлемъ и надъ широкомъ Заволжьемъ, видѣющимся съ его набережной.

Празднества закончились — заканчиваются и мои отчеты о нихъ. Пусть читатели сами выводятъ заключеніе о значеніи того, чему былъ свидѣтелемъ Ярославль. Мнѣ остается лишь повѣдать вамъ объ интереснѣ составленной Волковской выставкѣ и о результатахъ артистическаго состязанія артистовъ двухъ лучшихъ русскихъ сценъ.